

ЧАРИКАР - Лето 1981 - ПРОТИВ ЗАСАДЫ

Эпизод из книги Николая Губанова - "Солдат Своей Армии"

Полностью обожженные, головы без единого волоска, распухшие кровоточащие губы. Парни просят доктора убить их. Кожа пластами свисает с тела. Мучения, очевидно, достигли крайнего предела.

На двадцатикилометровом участке дороги Кабул-Термез строго в определенной последовательности "духи" обстреливают наши колонны. Особенно страдают от их засад машины с топливом. Такие колонны обычно не пропускаются без нападения на них, в результате вместе с людьми горит большое количество нашей техники, причиняя огромный ущерб экономике страны. Для борьбы с ними нас и направили. Объехав несколько частей, мы поняли, что засады духами устраиваются строго через день. Завтра как раз их день. Ночуем на ближайшем от места засады советском посту охраны дороги.

В землянке с сырým глиняным полом и стенами сидит полупьяный старлей. Он тупо смотрит на меня, пытаюсь понять, что я от него хочу. Хочу я от него немного - приюта для своих бойцов до двух часов ночи. Старлея обещали заменить три месяца назад, так что всего он в этой дыре около полугода. С ним еще шестеро солдат и должен быть прапорщик, но его увезли с аппендицитом два месяца назад, так и не прислав никого взамен. Его голубая мечта помыться в баньке и сменить завшивевшее белье. Как может быстро деградировать человек при определенных условиях! Хуже всего, что условия эти возникают благодаря "заботе" забывших про него начальников. С потолка падают кусочки глины, попадая в кружку с мутной жидкостью. Солдаты выменивают самогон у местных жителей за ящики из-под снарядов и, чего греха таить, мелкие боеприпасы. За это им платят их жизнями, не нападая на спящих ночами бойцов. Подвыпив, старлей выходит из своей землянки, чтобы дать пару очередей из башенного пулемета БМП, надо же показать, кто здесь все же хозяин. Его солдаты живут наверху, в БМП. Далее двадцати шагов они не рискуют отходить от поста, несмотря на торговлю с местными жителями. Много было приглашений в гости добродушными афганцами, а потом приглашенных находили без голов, и прочих торчащих частей тела. Бойцы это знают и побаиваются. Но ночью все равно они дрыхнут, положившись на русское "авось". Мы уходим отсюда, унося с собой очередную популяцию вшей, подхваченных в операциях.

Против Засады

Выбрав полуразрушенный дом подальше от дороги, занимаем позиции для наблюдения. Ночь прошла спокойно, ничего подозрительного не замечено. Неужели нас засекли, и наживка зря заброшена? Светает. С четырех часов разрешено движение по дорогам. Проходит одна колонна, другая. Все спокойно. Вот показалась колонна “наливников”. Идут с большой скоростью. Это своеобразные камикадзе. На 700-километровом пути этим ребятам практически невозможно не попасть под обстрел. Впереди нас, метрах в ста левее нашего дома раздался мощный взрыв. Пылевое облако закрыло от нас место взрыва, но и так ясно, стреляли из гранатомета. Первая машина уже горит, а тут включились и “духовские” автоматчики. Колонна, не сбавляя скорости, обходит своих горящих собратьев и скрывается за поворотом. С ее стороны раздается несколько запоздалых очередей в нашу сторону. Стрельба стихла. Это хуже. Мы находимся уже где-то рядом с “духами”. Выдерживая направление, движемся вдоль стен к небольшой площади впереди. Там стена делает небольшой поворот вправо. За ней неизвестность. Подаю сигнал, все пошли осторожнее. За поворотом на полянке увидели “духов”. Человек двадцать в черных “пакистанках”, сидя на земле, оживленно обсуждают проведенное мероприятие. Да, нас не ждали. Поэтому, когда некоторые из них начали вставать, прихватывая свои автоматы, мы с двумя дозорными влупили по толпе из трех стволов. Остальные бойцы не могут помочь нам, также рискуют попасть в наши спины. По моему сигналу они залегли, не создавая собой мишени для духов. Оставшиеся в живых “душки” рванули к развалинам, оставляя убитых. Гранатометчик тоже остался на поляне, не добежав до убежища, пуля моего сержанта Шурки Долгова попала ему в лицо. Сержант перевел огонь на одиночный и бил прицельно. То же сделал и Серега Тимошенко. Оставить гранатомет противнику было бы преступлением, и в штабе меня просто бы не поняли. Для помощи дозорным высылаю еще двоих. Это их первый бой. Парни выскакивают

на полянку и, стоя в полный рост косят очередями по дувалам. Мой мат вперемешку с приказами лечь не доходит до них - силен запал первого боя. В лежачую мишень гораздо труднее попасть, чем в стоящую крупную фигуру. А их фигуры крупны. Оба борцы, под 85 кило весом. Сам отбирал их в Союзе.

Первые Потери

Вначале падает Горайнов. Потом зашатался и Солодовников. Он, пошатываясь, бежит в мою сторону. Перед смертью зовут маму, а мамы сейчас далеко, вот он и бежит ко мне, я сейчас ему за мать. Автомат зажат в руке, изо рта бьет кровавая пена. “Песочка” на груди окрасилась в красный цвет. Дырочка в ней говорит о ранении в легкое. Вот и первая кровь, получи, командир. У меня нет сил выругать его, хотя злость на него переполняет меня. Прислушайся он к моему приказу, жил бы, может, до сих пор. Укол промедола, сделанный кем-то из бойцов, не спасает положение. Теперь наша задача усложнилась. Помимо гранатомета надо забрать убитого Генку с его пулеметом. Отправляю за ним двух солдат. Они сбрасывают рюкзаки и оставляют автоматы, им они сейчас не нужны. Их действия будут прикрываться огнем всей группы. Здесь не стрельбище, поэтому лица парней бледны. Знаю это и я. Мозг лихорадочно работает, я не имею права ошибаться. “Вперед!” Генкино тело и оружие у нас. Духи усиленно огрызаются. Но нам теперь не до них. Побросав в дувалы с десятков гранат, мы отходим, жизнь еще живого Солодовникова мне важнее этих людей в черном. Вместо них завтра будут еще сто, а его еще можно спасти. Двое прикрывают наш отход, двое бегут впереди, ограждая нас от возможных неприятностей. Остальные тащат два тела, сменяя друг друга. “Песочки” промокли от пота, солнышко уже жарит немилосердно. Не зря заставлял вас часами таскать рюкзаки с камнями, где бы вы были без этой тренировки.

Вовремя мы покинули место стычки. Появившиеся в небе “вертушки” обрабатывают это место, используя все свое вооружение. О нас они не знают. Наши действия держат в тайне. Если “вертушки” примут нас за “духов”, это может стоить нам жизни. На месте засады грохочут взрывы НУРСов, видны столбы пыли. “Душкам” там не сладко, но и нам тоже. Один из вертолетов заходит на боевой разворот и замечает группку людей, бегущих по

развалинам. Изменяя курс, он разворачивается в нашу сторону. Если не опознает, конец, мелькнула в мозгу мысль. Его плоское с боков тело неумолимо приближается к нам. Быстро достаю из рюкзака ракетницу. Выхожу на центр улочки, прятаться уже бесполезно. Даю выстрел ракетой в сторону приближающегося вертолета, машу пилоту рукой. Он проходит над нами на бреющем, обдав вихрем смешанного с гарью воздуха. Пилот направляет курсовой пулемет на нас, пристально вглядываясь в наши лица. Бежать к дороге духи не могут, это ясно пилоту, и он отваливает к своим.

Вызываем технику. Возле нас в пятидесяти метрах пылают пять бензовозов. Людей не видно. Оказывается, что раненых уже эвакуировали в местную санчасть. Вот и за нами пришла БМП. Осторожно загружаем Солодовникова и Генку. Мать должна получить своего сына в любом случае, иного у нас быть не могло. Наконец, санчасть полка. В наличии прапорщик-санинструктор и капитан-зубной техник, и это в полку, ведущем боевые действия. Опять наверху не хочет шевелиться извилина. Где наши профессора, где медики, желающие получить богатейшую практику? Они есть, я знаю, но сюда почему-то не могут попасть.

В санчасти уже пятеро обожженных водителей бензовозов. Некоторые из них напоминают персонажи фильмов ужасов. Полностью обожженные, голова без единого волоска, распухшие кровоточащие губы. Они просят доктора убить их. Кожа пластами свисает с тела. Мучения, очевидно, достигли последнего предела. Доктора мечутся среди них, ставя им капельницы. Тут еще мы с нашим воином. Его кладут на раскладушку, затыкая ваткой дырку в груди. Он хрипит, с надеждой глядя на белый халат врача. “Жить будет”, - говорит прапорщик. Мы выходим из санчасти. Бойцы стоят в стороне, вопросительно глядя на нас с Серегой. Серега его друг по школе, вместе они и выступали на соревнованиях по борьбе. Ему не стоит на месте. Он снова заходит

внутри. Через секунду он вылетает оттуда: “Товарищ старший лейтенант!”. Забегаю за ним в помещение. Солодовников спокойно лежит на раскладушке с полузакрытыми глазами. Хватаю его руку. Пульса нет! Серега выхватывает пистолет и с проклятиями направляется по коридору. Догоняю его у входа к врачам. Он вырывается, что-то кричит докторам. Они испуганно бросились в рассыпную. Это удваивает силы Тимошенко, он вырывается. Подбежавшие солдаты помогли мне скрутить его. Серега ослабевает и плачет. Кризис злости на врачей прошел. Тем более что винить их не за что.

В Афганистане, в “Черном тюльпане”

Трупы тут же выносят на улицу, заворачивают в блестящий целлофан. Целлофан напоминает обертку шоколада. Такой же хрустящий. Груз “200” загружается в вертолет и отправляется в Кабул. Там его ждет “консервный заводик”, мрачно шутят бойцы, так называя полевой морг. Морг располагается в нескольких больших палатках, установленных прямо на высохшей траве. Лежащим на земле уже все равно. Комфорт их не интересует. К сожалению, приходится посещать это заведение. Надо опознать здесь своих, дать данные в местную администрацию. Но прежде их еще надо отыскать здесь. А среди этих оборванных ног, искалеченных тел и каких-то непонятных обгорелых кусков мяса их отыскать не просто. Наконец, они найдены. Солдат в десантной форме с запахом самогона шариковой ручкой пишет на их твердой задубелой коже фамилии, и я с облегчением выхожу на воздух. Такого не увидишь и в кошмарном сне. Теперь их уложат в цинковые ящики, и они на самолете отправятся в круиз по родной стране. Ждите

родные своих сыновей, вам их доставят обязательно.

Опустошенный виденным, сажусь в УАЗик. Глаза мои открыты, но я ничего не вижу. Мой мозг отказывается воспринимать окружающее. Это напомнило первый выход на задание. Шок скоро проходит. Здесь вообще долго ничего не длится, и жизнь товарищей в том числе. Долго только ждешь замены. Кажется, тебя не заменят никогда, и ты будешь

вечно торчать на этой войне, которая тоже не кончится никогда. Где в мире еще найдутся желающие рисковать своей жизнью за 23 доллара в месяц. Оплата не зависела от того, лежишь ли ты на койке целыми неделями или пытаешься выжить, прыгая ночью по дувалам с автоматом в руках. Те же деньги получают работники штабов, повара, машинистки и прочий контингент, слышавший стрельбу и взрывы издалека. Иногда эта тема поднималась в нашей среде, особенно после очередной отправки домой кого-то из нас грузом “200”. Она, как правило, затихала после двух-трех минут крепких матерных выражений в адрес начальства в Союзе. “Зомби” не должны много рассуждать. Их удел выражен четырьмя емкими выражениями: “в любом месте, в любое время, любое задание, любыми средствами”, остальное их не должно касаться. В конце концов, мы не наемники, мы воюем во имя Родины.

Олег Аминов:

Мы с Серёгой Солодовниковым были вместе с первой группе ребят которые должны были ехать на замену в роту в ноябре 80-го. По моему у него был друг, который готовился вместе с нами и в какой-то момент решил не ехать в Афганистан. Серёга решил тоже не ехать в ноябре, но сказал что приедет в мае. В мае когда мы вернулись с рейда, я увидел его в автопарке с другими ребятами которые приехали на замену майским дембелям. Серёга попал в третью группу к Губанову. Губаныч нас и готовил в ноябре. На то задание в Чарикар уходили вторая и третья группы. Я знал, что у Губаныча в группе не хватает людей, и в основном все “молодые”, из бывалых был только Санёк Долгов, поэтому я просил взять меня с собой на это задание. Губаныч конечно согласился, ведь в майском рейде мы были в одной группе, он был нашим командиром группы. На то задание, когда погиб Серёга и Гера, мы выехали под вечер 23 июля. Приехали на блокпост на броне, но все сидели внутри, чтоб духи нас не видели. БМПшки заехали задом на блокпост, чтобы мы могли незаметно высадиться. Так и просидели до темноты у них в блиндаже. Где то в полночь пресекли дорогу и пошли в глубь “зелёнки”. На этом участке очень часто обстреливали колонны. По ходу дела на тропах устанавливали мины. На ночь обустроились в какой то кибитке. Серёга увидел у меня молитву “Живые помощи”(ПСАЛОМ 90), и всю ночь у нас с ним был диспут на тему - веришь или не веришь. Когда рассвело, пошла первая колонна по дороге на Кабул. Когда они проходили участок, где мы сидели в засаде, наш наблюдатель на крыше дома сказал: “Хорошо идут. Щас как дать с гранатомёта.” В следующий момент первый бензовоз той колонны вспыхнул. Губаныч крикнул - “Вперёд” - и мы побежали в сторону откуда был произведён выстрел из гранатомёта. Серёга бежал в головном дозоре, а я прикрывал группу сзади. В какой то момент, я ещё находился за поворотом, я услышал голос Серёги: “Дрешь”. Я только вывернуть из-за поворота, и увидел такую картину- Впереди небольшая полянка, посередине большое дерево с под ним сидели “духи”. Серёга был от них может быть метрах 50-ти. Он стоял с автоматом у бедра. Когда осенью мы готовились, на стрельбище в Чирчике мы часто любили стрелять от бедра. Это круто, когда ты стреляешь по мишеням, но на войне это совершенно другая ситуация. Я говорил про это Серёга тогда с ним встретился с роте в мае. Я тогда ему сказал: “Серёга, это не стрельбище. Здесь стреляют в ответ. Будь осторожен.” В следующий момент я услышал очередь из автомата. Осенью, когда Губаныч нас готовил, он учил нас падать на землю когда слышишь выстрел. Что я и сделал, когда услышал очередь, у видел как Серёга схватился руками за горло, и в тот же время услышал крик Геры Горяинова: “Мама”. Гере пуля попала между магазинами прямо в сердце. Гера умер сразу. Мы выносили их на плащпалатках, и нас тогда ещё обстреляли наши Ми-24. Два раза на нас заходили сбоку и стреляли с носового пулемёта(никогда не забуду этот звук). Если бы не дувалы, хреново бы нам пришлось. Когда заходили второй раз, Губаныч стрельнул по ним из ракетной и они отвернули. Когда вернулись в полк, Серёгу отнесли в госпиталь где он и скончался. Это был их первый выход. Для меня это задание стало вторым днём рождения, мне тогда кепку от песочки прошло насквозь. Если б тогда не упал, то сейчас бы не писал. Спасибо Губанычу за подготовку. Вечная память павшим в боях! Берегите себя, боевые друзья!

ГОРЯЙНОВ ГЕРМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ

Рядовой, разведчик-снайпер, русский, родился 14 апреля 1962 года в городе Новосибирске. Работал тренером в спортклубе Новосибирского завода конденсаторов. В Вооружённые силы призван 10 октября 1980 года Советским РВК Новосибирска.

В республике Афганистан с мая 1981 года. За мужество и отвагу награждён орденом Красной Звезды посмертно. Похоронен на воинском кладбище в городе Новосибирске.

СОЛОДОВНИКОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Младший сержант, командир отделения разведчиков, русский, родился 24 февраля 1962 года в селе Джаны-Джер Сокулукского района Киргизской ССР. Окончил СПТУ №106 в городе Шопоков. В Вооруженные Силы призван 6 мая 1980 года Сокулукским РВК. В Республике Афганистан с мая 1981 года. За мужество и отвагу награждён орденом Красной Звезды посмертно. Похоронен на родине. Одна из улиц в селе Джаны-Джер названа его именем.

